

О проблемах в действии решений органов ЕАЭС в национальных правовых системах государств-членов

Татьяна Нешатаева*

В связи с созданием Евразийского экономического союза в сфере действия актов наднационального права в национальных правовых системах возникает немало проблемных вопросов. В настоящей статье показано, что решения наднациональных органов действуют в национальных правовых системах без необходимости издания национальных законов, и это предполагает передачу юрисдикции по установлению единообразных правил поведения от национальной судебной системы наднациональной международной организации. Особое внимание в статье уделяется характеристикам судебных решений международных и наднациональных судов. В этом отношении автор считает, что выносимые международными судами решения отличны от решений наднациональных судов: если решения первых обязательны лишь для сторон спора, то решения вторых обязательны для всех – *erga omnes*. Из указанных характеристик этих судебных решений во взаимодействии наднационального и национального правосудия возникают некоторые проблемы: в статье в качестве примера рассматривается, в частности, история взаимодействия высших судов Германии и Италии с Судом Европейского Союза. Другой пример касается взаимоотношений судов Евразийского экономического сообщества, а затем и Евразийского экономического союза с Конституционным Судом Российской Федерации. Автор также выражает своё мнение относительно возможных путей минимизации конфликтов между наднациональным и национальным правосудием, прежде всего через взаимное уважение и сотрудничество.

→ *Евразийский экономический союз; наднационализм; наднациональные суды; международные суды; судебное решение; национальная юрисдикция; обязательность решений*

DOI: 10.21128/2226-2059-2016-3-10-17

1. Решения – акты наднационального права

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2015 года (далее – Договор о ЕАЭС), была создана международная организация наднационального типа¹ – Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС).

Указанная организация, базирующаяся в своей работе на теории функционализма², является независимым субъектом международного права, которому государства передали компетенцию по установлению обязательных единых норм права, как для государственных органов, так и для субъектов предпринимательской деятельности, действующих на территории ЕАЭС. Как следствие, ЕАЭС имеет исключительную юрисдикцию по установлению единообразных правил поведения (prescriptive jurisdiction) по вопросам, отнесённым к его предмету ведения.

* *Нешатаева Татьяна Николаевна* – судья Суда Евразийского экономического союза, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия (e-mail: tnesataeva@gmail.com).

¹ Декларация о Евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *Mitrany D. A Working Peace System*. London: Royal Institute of International Affairs, 1943.

При этом формами права в ЕАЭС являются, среди прочего, решения его органов — Высшего Евразийского экономического совета, Межправительственного совета, Евразийской экономической комиссии, а также Суда Евразийского экономического союза. Под «решением», согласно статье 2 Договора о ЕАЭС, понимается акт, принимаемый органами Союза, содержащий положения нормативно-правового характера.

В силу пункта 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (*далее* — ЕЭК) конкретизировано, что решения одного из органов союза — ЕЭК — подлежат непосредственному применению на территории государств — членов ЕАЭС. Следовательно, государствам — членам ЕАЭС не требуется «вводить» решения ЕЭК в национальное право путём издания национального закона: как и в Европейском Союзе (*далее* — ЕС), подобные акты имеют прямое действие, не предполагающее какого-либо одобрения национальным законодателем.

2. О судебных актах в международном праве

Несмотря на установление «доктрины прямого действия» в отношении актов ЕЭК, вопрос о действии актов Суда ЕАЭС в национальных правовых порядках Договором о ЕАЭС напрямую не разрешён.

Следует отметить, что в доктрине международного права единое понятие «судебное решение» отсутствует³.

В то же время указанное понятие применительно к Суду ЕАЭС раскрыто в статье 1 Регламента Суда, где указано, что под решением понимается «акт Суда, выносимый по результатам рассмотрения дела», то есть решение является документом, которым заканчивается рассмотрение споров по существу.

Согласно классическому пониманию, в международном праве решения международных судов обязательны исключительно для сторон спора (этому корреспондирует обязательство стороны спора исполнить указанное решение, например пересмотреть дела в на-

циональных судах)⁴ — они не могут создавать правовых последствий ни для третьих государств, ни для иных лиц, не участвовавших в рассмотрении спора. Более того, решения суда не являются обязательными для него самого⁵.

Впоследствии, однако, данный подход эволюционировал.

Так, Международный Суд ООН в решении по *Делу касательно применения Конвенции по предотвращению и наказанию преступления геноцида 2008 года* указал, что «до тех пор, пока решения содержат выводы по вопросам права, Суд будет оценивать их так, как он оценивает все предыдущие решения: то есть несмотря на то, что эти решения не являются обязательными для Суда, он не будет отклоняться от своей устоявшейся практики, за исключением случаев, когда найдёт существенные причины для этого»⁶. Следовательно, Международный Суд ООН фактически признал, что не отклоняется от своих предыдущих выводов по вопросам права.

В то же время вопрос об обязательной силе решений международных судов в широком смысле не решён. В частности, решения Европейского Суда по правам человека (*далее* — ЕСПЧ) не являются обязательными для третьих стран, не участвовавших в рассмотрении дела, однако в настоящее время вопрос о придании им такой силы активно обсуждается⁷.

Однако всё вышесказанное относится к международным судам, разрешающим межгосударственные споры. В отношении наднациональных судебных учреждений, разрешающих дела об оспаривании актов наднацио-

⁴ См.: International Court of Justice. *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. The United States of America)*. Judgment of 31 March 2001 // I.C.J. Reports 2004, p. 12.

⁵ См.: Statute of the International Court of Justice 1945. Article 59. URL: <http://www.icj-cij.org/documents/?p1=4&p2=2> (дата обращения: 28.06.2016).

⁶ International Court of Justice. *Case concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)*. Preliminary Objections. Judgment of 18 November 2008. Para. 53. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/118/14891.pdf> (дата обращения: 28.06.2016).

⁷ См.: Council of Europe. Revised draft CDDH Final Report on the longer-term future of the Convention system (as prepared by the GT-GDR-F). URL: [http://www.coe.int/t/dghl/standard_setting/cddh/reformechr/GT-GDR-F/GT-GDR-F\(2015\)020_EN.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/standard_setting/cddh/reformechr/GT-GDR-F/GT-GDR-F(2015)020_EN.pdf) (дата обращения: 28.06.2016); Нешатаева В. О., Мысливский П. П. Взгляд изнутри: участие в реформе Европейского Суда по правам человека // Российское правосудие. 2015. № 3. С. 5–13, 7.

³ См.: *Thirlway H. The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P.21.

нальной власти, существуют иные подходы практики и доктрины.

3. Правовые последствия вынесения наднациональными судами решений

Вынесение судами ЕС и ЕАЭС (а ранее и Судом Евразийского экономического сообщества в части полномочий по разрешению споров в рамках Таможенного союза) соответствующего решения носит обязательный характер и, следовательно, влечёт правовые последствия.

По нашему мнению, любые решения наднационального суда должны быть общеобязательными и нести в себе последствия для всех (*erga omnes*) государственных органов (включая суды) — это основа его деятельности и основной признак, отличающий его от классических международных судов.

Высказанное соображение подтверждается практикой⁸. Например, фактически в настоящее время сложилась ситуация, когда в отсутствие договорной нормы касательно общеобязательности решений Суда ЕС национальные государственные органы, в частности национальные суды, ссылаются на решения Суда ЕС при разрешении конкретных дел.

Так, например, в 1998 году Верховный суд Швеции⁹ воспринял правовую позицию Суда ЕС (высказанную за четыре месяца до решения шведского суда) по делу *BMW*¹⁰ о правомерности добросовестного использования неавторизованным автодилером торговой марки автопроизводителя.

Кроме того, на решения Суда ЕС ссылаются также и бельгийские суды, например в контексте международного исчерпания прав на товарный знак¹¹.

В Соединённом Королевстве судьи обучаются таким образом, чтобы те пользовались уже имеющимися решениями Суда ЕС по предварительным запросам и обращались с новыми запросами только для того, чтобы Суд ЕС пересмотрел уже сформированную правовую позицию¹².

Безусловно, в практике существуют и случаи игнорирования практики Суда ЕС, например Грецией¹³ и Испанией¹⁴, однако подобные ситуации не являются частыми или же они исправляются в рамках внутрисударственной судебной системы, как, например, в Германии¹⁵.

Указанные подходы к восприятию практики Суда ЕС в национальных правовых порядках берут своё начало из судебных решений самого Суда ЕС. В частности, в делах о признании того или иного так называемого «вторичного» права ЕС (например, директивы институтов Союза) соответствующим (не соответствующим) международным договорам, заключённым в рамках ЕС, Суд ЕС указывал, что правовые последствия решения, например о признании директивы не соответствующей первичному праву ЕС, распространяются на всех (*erga omnes*)¹⁶. Важно отметить, что из Договора о функционировании ЕС указанные правовые последствия не следуют, они созданы в практике Суда ЕС¹⁷.

В случае если бы признание акта не соответствующим договору влекло последствия исключительно для обращающегося в Суд ЕС лица (или суда, обращающегося по процедуре предварительного заключения), данное явление подорвало бы идею построения наднационального союза с едиными правилами

⁸ См., в частности: *Мысливский П.П.* Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 149–153.

⁹ См.: Seventeenth Annual Report on Monitoring the Application of Community Law. URL: http://www.europa.eu.int/comm/secretariat_general/sgb/infringements/pdt/com2000-92_en_vol6.pdf (дата обращения: 28.06.2016).

¹⁰ Court of Justice of European Communities. *Bayerische Motorenwerke AG v. Deenik*: Case 63/97. Judgment of the Court of 23 February 1999 // Reports of Cases before the Court. 1999. P. 40–46.

¹¹ См.: Eighteenth Annual Report on the Application of Community Law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52001DC0309&from=EN> (дата обращения: 28.06.2016).

¹² См.: *Craig P.P.* Report on the United Kingdom // The European Court and National Courts: Doctrine and Jurisprudence: Legal Change in its Social Context / ed. by A.-M. Slaughter, A. Stone Sweet, J. H. H. Weiler. Oxford : Hart Publishing, 1998. P. 144.

¹³ См.: Eighteenth Annual Report on the Application of Community Law.

¹⁴ См.: *Baudenbacher C.* The Implementation of Decisions of the ECJ and of the EFTA Court in the Member States' Domestic Legal Orders // Texas International Law Journal. Vol. 40. 2005. No. 3. P. 383–416, P. 400.

¹⁵ См.: Ibid.

¹⁶ См.: Court of Justice of European Communities. *Italy v. Commission*: Case 372/97. Judgment of 29 April 2004 // Reports of Cases before the Court. 2004. P. 211–219.

¹⁷ См.: Interpretation and Application of CJEU Decisions by National Courts. URL: http://www.ejtn.eu/Documents/About%20EJTN/Independent%20Seminars/EUIL%2016-17%20June%202014,%20Ljubljana/2_Mirela_Stancu.pdf (дата обращения: 28.06.2016).

ми для всех лиц. В этом случае могла бы сложиться парадоксальная ситуация, когда норма права, не соответствующая нормам более высокого уровня, продолжала бы действовать от страны к стране. Так, в случае если по запросу суда Греции норма была бы признана незаконной, почему она должна продолжать действовать, например, во Франции только из-за того, что французский национальный суд или гражданин не обращался в Суд ЕС? Из этого следует, что в основе вывода о том, что правовые последствия решений Суда ЕС распространяются на всех, лежит необходимость правовой определённости.

В то же время указанная практика не всегда находила должное подтверждение в доктрине. В международно-правовой доктрине и в практике подобный подход вызывает возражения со стороны традиционных сторонников позитивизма либо суверенитета. В связи с этим следует упомянуть, что в науке существует мнение о том, что «формальное отсутствие обязательного прецедента в европейской правовой системе является разрешающим условием, на которое можно сослаться национальным судам для оправдания ограничительного подхода к толкованию Суда ЕС»¹⁸.

При этом не учитывается, что в «чистом» виде ни одна из этих теорий в практике международных отношений не встречается.

Так, Председатель Европейского суда Ассоциации свободной торговли К. Бауденбахер полагает, что решения Суда ЕС, как национального суда, обязательны лишь для суда, который сделал соответствующий преюдициальный запрос¹⁹.

Применительно к Суду ЕАЭС российский учёный-юрист В. Л. Толстых придерживается аналогичного мнения²⁰, считая, что решения данного органа не могут быть общеобязательными ввиду того, что общеобязательность решений Суда не следует из его учредительных документов²¹.

Однако в судебной практике чаще всего поддерживается наднациональный подход. Так, Суд Евразийского экономического сообщества (*далее* — Суд ЕврАзЭС) в Постановлении о разьяснении решения по делу ОАО «Угольная компания «Южный Кузбасс»» *против ЕЭК*²² высказал правовую позицию, которая по своей сути аналогична правовой позиции Суда ЕС: в случае признания акта недействительным данный акт недействителен для всех.

Мнение Суда ЕврАзЭС по вопросу наличия у его правовых позиций последствий для неопределённого круга лиц было также воспринято в российских судах. В результате арбитражные суды в нескольких делах ссылались на практику Суда ЕврАзЭС при рассмотрении таможенных споров²³ и, что более важно, Верховный Суд Российской Федерации также ссылается на практику Суда ЕврАзЭС²⁴, а Высший Арбитражный Суд Российской Федерации выпустил Постановление Пленума «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства» № 79 от 8 ноября 2013 года, где указал, что «судам следует руководствоваться толкованием» Суда ЕврАзЭС (абз. 4 п. 1). Впоследствии указанное было подтверждено Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 3 марта 2015 года № 417-О.

Следовательно, несмотря на порой негативные оценки доктрины, в настоящее время в практике сформировался единообразный подход: правовые позиции Судов ЕС и ЕАЭС влекут правовые последствия *erga omnes* (для всех), что эффективно отличает указанные суды от классических международных судов (Международного Суда ООН и ЕСПЧ), решения которых обязательны лишь для сторон спора.

¹⁸ Conant L.J. Justice Contained: Law and Politics in the European Union. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. P.68.

¹⁹ См.: Baudenbacher C. Op. cit. P. 396.

²⁰ См.: Толстых В.Л. Недавние решения Суда ЕврАзЭС: попытка доктринального анализа // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8(63). С. 37–42.

²¹ См.: Испоинов А.С. Решение Большой Коллегии Суда ЕврАзЭС по делу Южного Кузбасса: насколько оправдан судебский активизм? // Евразийский юридический журнал. 2013. № 5(60). С. 19–26; Толстых В.Л. Указ. соч.

²² Постановление Суда Евразийского экономического сообщества по делу о разьяснении Решения по делу ОАО «Южный Кузбасс» *против Евразийской экономической комиссии* от 8 апреля 2013 года. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635194337652937490.pdf> (дата обращения: 28.06.2016).

²³ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 декабря 2014 года по делу № А53-7029/2014; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 декабря 2014 года по делу № А53-23887/2013; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25 июля 2014 года по делу № А53-20169/2013.

²⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 1 декабря 2014 года № 302-КГ14-3959 по делу № А74-4790/2013.

4. Механизм установления общеобязательности правовых позиций Судов ЕС и ЕАЭС

Механизмы введения в действие правила общеобязательности решений идентичны и в ЕС, и в ЕАЭС — через принятие указанных актов органами союзов и национальными судами. Различается лишь способ введения в действие этих решений, а также применение санкций при отказе от введения в действие установленных норм.

Различие заключается в следующем. В ЕС при возникновении коллизий между правом Союза и национальным правом орган Союза или национальный суд может обратиться за разъяснением о способе разрешения коллизий к Суду ЕС в процедуре преюдициального запроса. Толкование, данное Судом ЕС, формально будет являться рекомендательным, но фактически — обязательным, ибо отклонение от него влечёт штрафные санкции.

Таким образом, в ЕС процедуру проверки соответствия норм права начинают органы Союза и национальные суды (по инициативе юридических и физических лиц), решение в форме рекомендации выносит Суд ЕС, а исполняют эту рекомендацию органы ЕС и национальные суды.

В ЕАЭС процедуру начинают сами юридические лица (как правило, после того как обратятся в национальные суды), что делает данный механизм более демократичным и привычным для национальных судов. Так, Суд ЕАЭС разрешает спор о соответствии актов более низкого уровня актам более высокого уровня. Национальный Верховный суд, в свою очередь, даёт разъяснение национальным судам с рекомендацией учитывать толкование Суда ЕАЭС при разрешении конкретных споров. Так, в силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 12 мая 2016 года (абз. 2 п. 3) российским судам следует учитывать акты Суда Евразийского экономического союза (то есть решения, постановления, консультативные заключения), вынесенные в соответствии с пунктом 39 Статута Суда по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза.

При этом при отступлении от толкования Суд ЕАЭС вправе обратиться к Высшему Евразийскому экономическому совету с указанием на неисполнение его решения в конкретном деле (п. 115 Статута Суда ЕАЭС) и без привязки к нему (п. 120 Статута Суда ЕАЭС). С учётом того, что в силу пункта 61 Суд оставляет без рассмотрения требования о возмещении убытков или иные требования имущественного характера, санкционный механизм не монетарный, а политический.

Таким образом, в обоих случаях общеобязательность решений обеспечивается политической волей: в ЕС — опосредованно через штрафные санкции; в ЕАЭС — напрямую через обращение к президентам, входящим в Высший Евразийский экономический совет.

Безусловно, оба вышеуказанных механизма несовершенны и опосредованно могут становиться источником противоречий и конфликтов, возникающих уже на стадии исполнения решений наднационального суда. При этом суды ищут механизмы разрешения этих конфликтов, получающих на первом этапе закрепление в судебных актах.

4.1. Практика судов Италии и Германии применительно к решениям Суда Европейского Союза

Конституционный суд Италии отрицал верховенство коммунитарного права через дуалистический подход к взаимоотношению международного и национального права: международно-правовая и национальная нормы существуют независимо друг от друга, каждая регулирует собственную сферу правоотношений. В течение 1970-х годов Конституционный суд Италии пересмотрел свою позицию в пользу признания верховенства коммунитарного права, но только в том случае, если нормы права Европейских сообществ были приняты позднее, чем нормы национального права. Если же коммунитарная норма была принята раньше национальной, то последняя применялась до тех пор, пока не признавалась неконституционной в национальном судопроизводстве²⁵. Подобный подход, который смело можно назвать отрицани-

²⁵ См.: *Craig P.* The ECJ, National Courts and the Supremacy of Community Law. URL: <http://www.ecln.net/elements/conferences/bookrome/craig.pdf> (дата обращения: 08.04.2015).

ем наднационализма, не удовлетворил Суд Европейского Союза, и в деле *Simmenthal*²⁶, развивая прецедент *Costa v. Enel*, Суд указал: «Право Европейских сообществ имеет приоритет над национальным законом, даже если последний принят после утверждения соответствующих положений европейского права. Нормы права Европейских сообществ исполняются автоматически, независимо от наличия противоречащих им норм национального законодательства и тем самым предотвращают применение противоречащих коммунитарному праву норм национального права. Каждый национальный судья должен в полной мере применять право Европейских сообществ».

Только этот судебный акт заставил Конституционный суд Италии изменить свой подход, и в деле *Granital*²⁷ он указал, что нормы права Европейских сообществ, имеющие прямое действие, имеют приоритет над нормами национального законодательства и подлежат применению независимо от того, какая норма принята раньше. Таким образом, Конституционному суду Италии для принятия идеи верховенства права Европейских сообществ и безусловной роли Суда сообществ в этом процессе потребовалось двадцать лет.

Столь же сложно развивались отношения между Судом Европейского Союза и Федеральным конституционным судом Германии. Однако в конечном счёте приоритет наднационального права, оставив за собой собственную сферу действий, признал и Федеральный конституционный суд.

Высшей точкой взаимоотношений Суда Европейского Союза и Федерального конституционного суда Германии стало решение последнего по делу *Banana Market Organization*²⁸. Федеральный конституционный суд

со ссылкой на решение по делу *In Re Maas-tricht Treaty* указал: «(1) он будет осуществлять свою юрисдикцию только в том случае, если Суд Европейского Союза будет отступать от стандартов защиты фундаментальных прав, как они закреплены в Конституции Германии; (2) он будет считать приемлемыми те заявления, в которых обосновывается, что коммунитарное право и практика Европейского Союза демонстрируют стандарты более низкие, чем закреплённые в Конституции Германии; (3) заявителям следует доказать, что минимальная защита, гарантированная Конституцией Германии, не реализована в акте коммунитарного права».

4.2. Взаимодействие судов Российской Федерации с Судом ЕврАзЭС/Судом ЕАЭС

Наднациональный евразийский Суд также вызвал неоднозначную реакцию со стороны национальных судов. Так, российский Конституционный Суд в Определении от 3 марта 2015 года № 417 об оспаривании конституционности пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза, указав на его принятие в полном соответствии с положениями Таможенного кодекса Таможенного союза и констатировав исключительную компетенцию Суда ЕврАзЭС по рассмотрению дел о соответствии актов органов Таможенного союза международным договорам, составляющим договорно-правовую базу Таможенного союза, процитировал решение Коллегии Суда ЕврАзЭС от 1 ноября 2013 года в части вывода об обратной силе и сделал вывод о том, что «сами по себе эти правовые позиции не могут служить основанием для отступления от содержащегося в части 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации требования признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина не только согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и в соответствии с Конституцией Российской Федерации». Иными словами, Конституционный Суд России вслед за немецким судом сформулировал положение о том, что более высокий стандарт защиты прав не может быть «понижен» наднациональным судом.

²⁶ Court of Justice of European Communities. *Italian Minister of Finance v. Simmenthal*: Case 106/77: 1978. URL: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=89693&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=93552> (дата обращения: 26.06.2016).

²⁷ Court of Justice of European Communities. *Spa Granital v. Amministrazione delle Finanze*. Dec. 170. 8 June 1984. Цит. по: *Craig P.P.* Report on the United Kingdom: The European Court and National Courts, Doctrine and Jurisprudences: Legal Change in its Social Context. P.39.

²⁸ *Banana Market Organization Constitutional Case* (Case No. 2 BvL1/97) // *The Relationship between European Community Law And National Law: The Cases*. Vol. 2 / ed. by A. Oppenheimer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P.270–285.

Далее российский Конституционный Суд указал: «Применяя пункт 4 установленного решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 года № 728 Порядка, компетентные органы публичной власти Российской Федерации и должностные лица обязаны учитывать, на каких условиях осуществлялось предоставление таможенных льгот в отношении товаров, ввезённых на территорию Российской Федерации в качестве вклада в уставный капитал, и, если оно имело место в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июля 1996 года № 883 до вступления в силу данного Порядка (т. е. до 18 августа 2011 года), — избегать пересмотра установленного на момент предоставления таких льгот правового режима их использования (прекращения), противоречащего общеправовому принципу «закон обратной силы не имеет»».

Следует отметить, что в данном случае Конституционный Суд России не обратил внимания (возможно, в целях создания правовой позиции, сходной с немецкой) на то, что тезис об обратной силе был исключён в окончательном решении Апелляционной палаты Суда ЕврАзЭС и никакого влияния на единообразную практику применения норм Таможенного союза не оказывал. Смысл решения Суда в деле о льготах в окончательном виде состоял в том, что использование льгот без реализации их целей недопустимо.

Однако положение об обратной силе, сформулированное российским Конституционным Судом, повторено в абзаце 3 пункта 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 12 мая 2016 года, где указано, что судам необходимо принимать во внимание, что коллизионный приоритет права Союза не может приводить к нарушению прав и свобод граждан (организаций), гарантированных Конституцией РФ. В частности, при применении норм права Союза, которые устанавливают (изменяют, прекращают) права и обязанности по уплате таможенных платежей, использованию таможенных льгот, должен учитываться принцип недопустимости придания обратной силы новому таможенному регулированию, ухудшающему положение участников делящихся правоотношений.

В связи с этим можно считать, что механизм исполнения решений Суда ЕАЭС создан актами Конституционного и Верховного

Суда: решения Суда ЕАЭС имеют приоритет, если не снижают уровень защиты прав предпринимателей.

Соглашаясь с таким подходом, следует поставить вопрос о едином евразийском стандарте защиты прав предпринимателей, а также о компетентном суде, формирующем единый стандарт.

5. Механизм защиты от бесправия

Учитывая, что вопрос взаимодействия с высшими национальными судами стоял как перед Судом ЕврАзЭС, так и перед Судом ЕАЭС²⁹, необходимо задуматься о постоянном механизме преодоления конфликтов между наднациональным и национальным судами.

Представляется, что механизмом преодоления подобных противоречий является сотрудничество через установление площадки для диалога между верховными, конституционными и наднациональными судами — именно поиск баланса и договор могут избавить предпринимателей от бесправия применительно к мощной наднациональной власти.

В качестве применимого опыта можно назвать Брюссельскую декларацию, которая рекомендует создание «контактных точек»³⁰ по вопросам прав человека для международных и национальных органов. Полагаю необходимым создание таких «контактных точек», развитие постоянного диалога национальных и наднациональных судов. В области региональной интеграции в ЕАЭС такую площадку можно создать на базе Суда ЕАЭС с подключением Суда ЕС и внимательным участием конституционных и верховных судов. Указанный механизм поможет найти точки соприкосновения между порой противоречащими практиками национальных и наднациональных судов, а также позитивно скажется на взаимопонимании.

Взаимопонимание и уважение решений судебных органов позволит выработать еди-

²⁹ См.: Особое мнение судьи Т.Н.Нешатаевой к Постановлению Суда Евразийского экономического союза по делу *ООО «Ремдизель» против Евразийской экономической комиссии* от 8 апреля 2016 года. URL: <http://courteurasian.org/doc-14903> (дата обращения: 16.05.2016).

³⁰ High-level conference on the “Implementation of the European Convention on Human Rights, our shared responsibility. Brussels Declaration. 27 March 2015. P.7. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Brussels_Declaration_ENG.pdf (дата обращения: 16.05.2016).

ные стандарты прав евразийских предпринимателей, сформулированные национальными судами и концентрированно объединённые в решении наднационального суда.

Библиографическое описание:

Нешатаева Т. О проблемах в действии решений органов ЕАЭС в национальных правоопорядках государств-членов // Международное правосудие. 2016. № 3 (19). С. 10–17.

On ambiguous effects of the EAEU bodies' decisions within national legal systems of the member states

Tatyana Neshataeva

Doctor of Sciences in Law, Professor of Law, Head of International Law Department, the Russian State University of Justice; Judge of the Court of the Eurasian Economic Union, Honored Lawyer of the Russian Federation (e-mail: tneshtaeava@gmail.com).

Abstract

The present article, inspired by the establishing of the Eurasian Economic Union, discusses the intricate questions of effects of supranational legal acts upon and within the national law frameworks. The author demonstrates that the decisions of supranational bodies are effective within the national legal systems without enactment of national laws, what presupposes transfer of the power to establish uniform rules of conduct to the supranational international organization and recognition of this supranational jurisdiction. Special attention is paid to the characteristics of international and supranational courts' decisions. In this respect, the author, dwelling on her own comparative study, concludes that the decisions made by international courts are of a clearly distinct nature, differing from the decisions of supranational courts: whereas the former are only binding upon the parties of a dispute, the latter are binding upon every member state of a supranational entity — *erga omnes*. The special character of each of these types of decisions has an impact on the interplay between supranational and national judiciaries. Problems arising from this judicial interference are firstly shown through the history of interaction between the supreme courts of Germany and Italy on one hand and the Court of Justice of the European Union on the other hand. The second illustrative example which the author gives in this respect, is the interplay between the Constitutional Court of Russia and the

courts of the Eurasian Economic Community, and later, with ones of the Eurasian Economic Union. The author also suggests a way to minimize of conflicts between supranational and national judiciaries: mutual respect and cooperation.

Keywords

Eurasian Economic Union; supranationalism; supranational courts; international courts; judicial decision; judgment; national jurisdiction; binding decisions; *erga omnes*.

Citation

Neshataeva T. (2016) O problemakh v deystvii resheniy organov EAES v natsional'nykh pravoporyadkakh gosudarstv-chlenov [On ambiguous effects of the EAEU bodies' decisions within national legal systems of the member states]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 10–17. (In Russian).

References

- Baudenbacher C. (2005) The Implementation of Decisions of the ECJ and of the EFTA Court in the Member States' Domestic Legal Orders. *Texas International Law Journal*, vol. 40, no. 3, pp. 383–416.
- Conant L. (2002) *Justice Contained: Law and Politics in the European Union*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Craig P.P. (1998) *Report on the United Kingdom: The European Court and National Courts, Doctrine and Jurisprudences: Legal Change in its Social Context*, Oxford: Hart Publishing.
- Ispolinov A. S. (2013) Reshenie bol'shoy kollegii Suda EvrAzES po delu Yuzhnogo Kuzbassa: naskol'ko obosnovan sudeyskiy aktivizm? [Eurasian Economic Community Court Grand Collegium decision in *Yuzhny Kuzbass* case: in what measure is judicial activism justified?]. *Evraziyskiy uiridicheskij zhurnal*, vol. 60, no. 5, pp. 19–26. (In Russian).
- Mitrany D. (1943) *A Working Peace System*, London: Quadrangle Books.
- Myslivskiy P.P. (2015) *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie sozdaniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i sposoba razresheniya sporov*: diss. kand. yurid. nauk [International law regulation in establishing the Eurasian Economic Union and methods of dispute settlement. Ph.D. in Law dissertation], Moscow. (In Russian).
- Neshataeva V. O., Myslivskiy P.P. (2015) Vzgl'yad iznutri: uchastie v reforme Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [An inside look: participating in the European Human Rights Court reform]. *Rossiyskoe pravosudie*, no. 3, pp. 5–13. (In Russian).
- Thirlway H. (2008). *The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence*, Oxford: Oxford University Press.
- Tolstykh V. L. (2013) Nedavnne resheniya Suda EvrAzES: popytka doktrinal'nogo analiza [Recent decisions of the Eurasian Economic Community]. *Evraziyskiy uiridicheskij zhurnal*, vol. 63, no. 8, pp. 37–42. (In Russian).